Аэродром 'Веселый'

Владимир Дроздов

SHOUT
SHARE
IT

- Дроздов Владимир

Дроздов Владимир
Аэродром 'Веселый'

Владимир Дроздов
АЭРОДРОМ ВЕСЕЛЫЙ
авт.сб. "Над Миусом"

В начале июля сорок третьего позвонили из штаба дивизии:

- Капитана Леднева к генералу!

Митя бегом бросился к домикам штадива. Теперь штаб дивизии при каждом перебазировании стал располагаться рядом с аэродромом полка истребителей-разведчиков.

Благодаря такому соседству особенно быстро проявляются в лаборатории фотопленки и буквально за несколько минут передаются по СТ-35 в штаб воздушной армии разведдонесения летчиков.

А вместе с тем близость к начальству приносит добавочные хлопоты. Базируйся разведчики на более отдаленном аэродроме, не бежал бы сейчас капитан Леднев по степи, выжженной солнцем до желтизны омлете).

Но он готов был каждый день бегать за поручениями комдива - не просто уважал генерала Строева, считал особой честью пойти в полет по его заданию.

Генерал объяснил:

- Я не стал бы вызывать вас через головы ваших непосредственных начальников, но и командир полка и командир вашей эскадрильи в воздухе, а дело спешное.

Сам командующий фронтом просил генерала Хребтова - он только что мне звонил. Из-за того же аэродрома Веселый, помните-около Таганрога? По агентурным данным на нем расположены склады химического оружия.

А сейчас стало известно, что аэродром этот используется еще и для подскока дальних разведчиков типа "курьер". На прошлой неделе лейтенант Григорьян пытался заснять эти склады и летное поле. Подходил со стороны солнца. Однако сбили-прямое попадание зенитного снаряда. Через два дня капитан Нестеренко для фотосъемки всего на одну минуту выскочил из облачности. Тоже сбили. Теперь из агентурных данных стало известно:

на Веселом зенитные средства оснащены радиолокационными прицелами могут вести точный огонь и сквозь облака, и против солнца.

- На обычных боевых высотах!

- Да, но с малых высот, а тем более с бреющего, мы пока не

можем фотографировать.

- Попробую метров с четырехсот.

- Еще рискованнее. На двух-трех тысячах вас только зенитки достанут, а тут поведут огонь и счетверенные установки крупнокалиберных зенитных пулеметов.

Да, вот так генерал Строев ставил задачу перед капитаном Ледневым одновременно и советуясь с ним. Очень уж мудреный предстоял вылет. И генерал,даже настойчивее, чем обычно, подчеркивал свое уважительное отношение к мнению непосредственного исполнителя. Может быть, еще и потому, что капитан так неожиданно предложил предельно рискованную попытку? Но и самому Ледневу эта мысль пришла в голову всего минуту назад.

Только при пересказе генералу своей основной идеи он, конечно, дополнял ее, развивал, расцвечивал подробностями... А все-таки волновался: ведь предлагал вовсе необычное решение. И почувствовал острую вспышку гордости, когда генерал сказал в заключение:

- Ваш риск оправдан: Фашисты могут ошибиться в оценке ваших намерений благодаря еще не забытой ими трагедии эскадрильи "Ла-пятых". Однако риск не исключает осторожности. Обязательно поговорите с ведомыми лейтенанта Григорьяна и капитана Нестеренко. Пусть они покажут расположение зенитных средств. За васновизна приема. Только тут важнее всего соблюсти меру: выполнить его не раньше, чем вас обнаружат, но до того, как зенитчики откроют огонь. Поэтому за их действиями следите особенно внимательно. Ну, а я вам полностью доверяю.

Выйдя из кабинета генерала, капитан Леднев уже не побежал - медленно пошел по трескучей сухой траве к своему аэродрому. Старался подробно восстановить в памяти трагедию эскадрильи "Ла-пятых", о которой только что говорил с генералом. Ведь уж больше двух месяцев прошло с тех пор. А тогда...

Весенним вечером Митя вместе со своим командиром полка как раз находился у генерала. Дивизия располагалась на северной окраине Ростова. На Митю руины города произвели тягостное впечатление. Он впервые увидел пустые коробки стен больших многоэтажных домов-закопченные, глядящие мертвыми глазницами окон без рам и стекол, с повисшими на полуоборванных петлях дверями... До тех пор война водила Митю лишь по селам и станицам Крыма, Северного Кавказа. А тутбольшой город, и такие разрушения! Ростов стал для Мити как бы символом бедствий войны. Только хата, в которой поместили комдива, и окружавшие ее домикп выглядели мирно.

Но вот в кабинет генерала ввели незадачливого лидера -

штурмана "пешки". И Митя узнал, что этот старший лейтенант привел эскадрилью "Ла-пятых" вместо Ростова на аэродром Веселый у Таганрога - к немцам!

Рация отказала. Но разве штурман не следил за курсом, не измерял снос в полете? И где у него был контроль времени? До Таганрога дальше лететь, чем до Ростова.

На лице старшего лейтенанта - крупного, плотного, даже тяжеловатого блондина-отражались растерянность, подавленность, страх. Он был жалок в своей угнетенности, но Митя в ту минуту его остро ненавидел.

А генерал Строев не ругал штурмана, не корил-держался, как всегда, ровно, спокойно. Прежде всего справился о двух спасшихся летчиках "Ла-пятых": где они сели? Штурман показал на карте места вынужденных посадок. И тут же добавил: "Я видел, как оба вылезли из своих машин, значит, не ранены".

Немедленно генерал распорядился: выслать за этими летчиками самолеты У-2 с техниками. Техников оставить на месте для определения неисправностей и охраны "Лапятых", а летчиков доставить обратными рейсами У-2 в штаб дивизии.

Только когда их привезли и покормили, генерал собрал вместе всех участников перелета. Выяснилось, что истребители доверчиво шли за лидером, сами не вели ориентировку. Правда, немного удивляло, почему долго летят.

Но радиосвязь с лидером нарушилась. И никто из истребителей до тех пор не летал в районе Ростова. Поэтому, когда штурман подал им наконец команду садиться дублирующим сигналом-ракетой, все почувствовали облегчение. Мите трудно было понять, отчего немцы не открыли огонь по советским самолетам. Прозевали, замешкались или сразу заподозрили ошибку? Очень уж мирно стали выстраиваться "лавочкины" в круг над аэродромом Веселый - явно для захода на посадку. Да и подошли к нему на небольшой высоте - с такой не начинают боевых действий.

Командир эскадрильи "Ла-пятых" сел, как ему и положено, первым. Едва закончив пробег, он порулил с посадочной полосы на нейтральную, освобождая место другим. Но тут у него остановился винт - горючее кончилось. Комэск откинул фонарь, выпрыгнул из кабины.

Его, наверно, удивило поведение хозяев аэродрома: почему никто не встречает? А фашисты затаились, так как уже второй Ла-5 заходил на посадку. И он тоже сел бы, если б какой-то немецкий солдат в этот момент не выскочил из укрытия, не побежал к стоявшему у своего самолета комэску. Усердному дураку захотелось первым захватить русского летчика в плен.

Конечно, комэск сразу все понял, увидев автомат и серо-зеленую форму. Он выхватил ракетницу и дал истребителям сигнал: "Запрещаю посадку!" Еще несколько ракет выпустил в упор по своему самолету. И то ли в системе питания горючим оставались какие-то капли бензина, то ли загорелась нитрокраска покрытия плоскостей - "Ла-пятый" вспыхнул. А сам комэск с пистолетом в руке бросился бежать к маячившей вдали темной полосе - к знаменитому таганрогскому парку, который он, видимо, принял за лес.

Истребитель, пошедший было на посадку, дал газ, взмыл. Фашисты открыли по нему суматошный зенитно-пулеметный огонь. Кое-кто из летчиков "Ла-пятых" атаковал позиции зенитных крупнокалиберных пулеметов, другие попытались отвлечь от своего комэска преследующих его немецких автоматчиков. Он и сам отстреливался на бегу. И - отличный стрелок - убил двух солдат. Но один "ТТ" против нескольких автоматов... Комэск упал.

Вгорячах он еще поднялся, даже сделал несколько шагов, но, верно, тяжело был ранен - снова свалился. И тогда комэск приложил пистолет себе к виску.

Летчик "пешки" - лидера - все это видел. Обругав своего штурмана последними словами, он просто взял курс на восток. За ним устремились несколько "Ла-пятых". Другие развернулись на юг - потеряв доверие к лидеру, должно быть, решили перетянуть через море.

Только горючее у них ведь было на исходе - не то что у "пешки", обладающей куда большим запасом. Лишь двоим "Ла-пятым" из пошедших за лидером удалось перелететь линию фронта, сесть в степи у своих. Остальные либо утонули, либо были сбиты. Генерал запросил береговые посты ВНОС, но никто не засек перелета наших истребителей на юго-восточное побережье Азовского моря.

Позже до летчиков дивизии дошли слухи, будто бы немцы с почестями похоронили командира эскадрильи "Ла-пятых" и даже поставили ему на краю аэродрома памятник. Немецкое командование при этом, возможно, действовало в общевоспитательных целях.

Леднев не только восхищался комэском "Ла-пятых", был еще и благодарен ему. Ведь этот комэск невольно натолкнул его на идею разведки и фотографирования таинственного аэродрома Веселый новым способом.

И вот капитан Леднев один-без ведомого-уходит в им самим задуманный полет. Едва взлетев, он разворачивается в сторону моря и снижается до бреющего - не хочет, чтобы его засекли немецкие радиолокационные станции. Да и "мессеры" на фоне

степи не заметят идущий бреющим самолет. У Семерникова капитан как бы скатывается на санках с обрыва в море, прижимается чуть ли не к самой поверхности воды. Знает: за хвостом его самолета не будут видны расходящиеся углом буруны, потому что легкая рябь морщит гладь моря - скрывает следы его "яка". Незаметно он удаляется от берега.

Зачем ему ведомый? На бреющем в нем нет нужды - никто не станет атаковать. А когда Мите придется выскакивать над аэродромом фашистов, появление еще и второго советского самолета лишит всякого смысла, главную уловку капитана Леднева.

Он бросает взгляд на часы, чтобы убедиться, достаточно ли отошел от берега. И слегка взмывает - нужно осмотреться. Да все в порядке - берег почти незаметен.

Разворот на девяносто градусов! Снова прижаться к воде! И еще пять минут с курсом двести семьдесят. Потом опять разворот - уже почти строго на север. Ну, разве что два-три градуса надо будет довернуть для борьбы со сносом. Его, конечно, трудно определить над морем. Но когда капитан скатывался с горки у Семерникова, успел все же прикинуть - снос был совсем невелик.

Еще перед вылетом ведомые Григорьяна и Нестеренко показали Мите, как размещены зенитные средства немецкого аэродрома. И тогда же Митя тщательно просмотрел на крупномасштабной карте все подходы к Веселому со стороны моря. Берег здесь резко обрывался к воде, и этот откос протянулся на целых десять километров. Митя решил, что сможет издалека увидеть аэродром, а приближаясь, прикроется обрывом, пройдет вдоль полосы берегового песка, чтобы само выскакивание его "яка"

пришлось бы точно над целью. Высокий, крутой берег не только скроет разведчика от приборов и глаз немцев, но и приглушит шум мотора - фашисты смогут обнаружить самолет, лишь когда он выскочит из-под обрыва - прямо над позицией счетверенной установки зенитных пулеметов.

Недолго летит капитан Леднев над синим, подернутым легкой рябью морем. Все ближе желтая полоска прибрежного песка, откос уже отчетливо виден. Еще немного, и разворот. Митя выполняет его особенно тщательно. Ведь всего на двадцати метрах. Для того чтобы не оказаться невзначай выше обрыва - не обнаружить себя преждевременно. И вот, как и было задумано, самолет несется вдоль берега. Пора? Десять километров он проходит чуть больше чем за минуту. Теперь ему уже не надо прятаться. Он делает боевой разворот-с набором высоты. И послушный рулям "як" взмывает точно над аэродромом Веселый.

- Здравствуйте, господа!-кричит по радио Митя.

Как знать? Вдруг у них какой-нибудь подслушивающий радиоприемник настроен на волну наших разведчиков. И-хоп!- Митя выпускает шасси. А теперь надо еще покачать крылышками - попросить разрешения на посадку, используя международный язык летчиков.

Точными, четкими движениями ручки Митя заставляет свой "як" изящно потрепетать крыльями. А вслед за тем - сделать "клевок", как бы кивнуть головой, склониться в почтительном поклоне. И снова потанцевать, с крыла на крыло. В мозгу проносится: комэск "Ла-пятых", наверно, не просил у них разрешения сесть? Впрочем, шасси-то он тоже выпускал, и тогда все истребители выстраивались для посадки. Митя опять повторяет свой маневр: покачивание, "клевок", покачивание. А сам следит, не бежит ли к пулеметам расчет счетверенных установок. Нет, вроде нет. Митя солидно запрашивает по радио:

- Прошу разрешения на посадку! Хочу сдаться в плен.

И становится в круг над аэродромом, продолжая внимательно наблюдать за поведением фашистов. Он строит коробочку - совершает обычный маневр летчика перед посадкой: пролететь сначала над аэродромом по прямоугольному маршруту с четырьмя разворотами на высоте четырехсот метров. После первого Митя включает фотоаппарат как раз над складами. С минуту он летит ровно, без покачиваний и рысканья, строго выдерживая высоту полета и скорость. Все, он заснял склады! Теперь перед разворотом на вторую прямую надо еще раз покачать крылышками. Так, порядок! - никто не стреляет. А ведь, похоже, он сейчас опять пролетит над складами? Эти получше замаскированы только с такой высоты и можно различить. О них-то, наверно, и говорил генерал: "По агентурным данным, там химия". Хоп! - Митя включает фотоаппарат и на второй прямой. Опять около минуты идет словно по одной половице. Или - как в детстве - бежит по рельсу быстро, никуда не сворачивая. Ура! - заснято. А с большой высоты как ни снимай, ничего на снимках не различишь. Теперь покачать крылышками ив разворот на третью прямую. Но что это там за капонир - такой громадный? Конечно же - для четырехмоторного "курьера"! Скорее сфотографировать его!

И стоянки "мессеров" - тоже! "Пешкам" легко будет по снимкам поразить цель.

Ну, довольно испытывать судьбу. Пора сбросить газ, переходить в планирование - на посадку. Вон они уже и "Т" выкладывают - поверили!

Нет, он не так прост, чтобы у "Т" садиться, - расчет на посадку

Митя производит с большим промазом. Да, приземляться так приземляться! Хорошо, что его "як"

далеко выкатывается за передний ограничитель. Немцам будет трудно определить, продолжается ли еще у русского летчика обычный после посадки пробег или... Митя легонечко прибавляет обороты мотору. Он видит: слева к нему бегут два сине-зеленых солдата. Наверно, хотят помочь развернуться на нейтральную полосу для рулежки.

Однако и до обрыва в море уже недалеко. Капитан дает мотору полный газ - прямо из пробега переходит в разбег, идет на взлет! Точно так они с Левшииым поступали во время испытаний нового истребителя - вот когда пригодилось! Митя, конечно, понимает: в конце разбега придется резко поддернуть машину - оторвать ее от земли, не дожидаясь, чтобы она сама попросилась в воздух.

Да... и сделать это надо перед самым обрывом.

Митя чувствует: по бронеспинке словно горох простучал. Кто-то из фашистов опомнился - провожает его автоматной очередью. Не страшно. Бронеспинке пули - как слону дробины. Только вот не перебили бы случайно тяги управления, трубки водяного охлаждения, бензопитания...

Но внимание, внимание! - обрыв. Митя рывком подтягивает на себя ручку управления, чуть не дергает ееотрывает свой "як" от земли. И самолет послушно взмывает! Тотчас Митя слегка отжимает ручку - опять скатывается с кручи, как на салазках, к самой поверхности моря. Но, конечно, не ныряет в волны - проносится над ними, летит! Теперь он закрыт берегом от зенитно-пулеметного огня - вошел в мертвое пространство. Вот когда можно и малость сбросить газ - нельзя же форсировать мотор слишком долго. Тяни, голубчик, выручай!

Еще немного бреющим над морем, а там взмыть, сделать разворот и - домой!

Митя уже видит красивое спокойное лицо генерала Строева... А понимал ли генерал, что капитан Леднев покончил бы с собой, если б его подбили во время этой имитации вынужденной посадки? Да, наверно. Сказал же - что полностью ему доверяет. И Митя, предлагая свой план, прекрасно знал: он не только сам рискуетв случае неудачи и генерала Строева ох как подведет!..

Зато сегодня Митя сможет указать бомбардировщикам на картах важные цели-и стоянку "курьера", и эти, так тщательно замаскированные, склады. Без своей рисковой посадки никогда не обнаружил бы их...

А теперь скажи еще раз спасибо тому комэску "Ла-пятых" и торжествуй. Ты имеешь право.

1976